

кончины графа Толстого к помещению в газетах известий о графе Л. Н. Толстом и статей, посвященных его жизнеописанию и литературной деятельности, в то же время изволил признать необходимым, чтобы распоряжение от 24 февраля 1901 года за № 1579 о непоявлении в печати статей и каких-либо сведений, имеющих стношение к постановлению Святейшего Синода от 20—22 февраля того же года, оставалось в силе и на будущее время и чтобы во всех известиях и статьях о графе Толстом была соблюдана необходимая объективность и осторожность» (ч. IV, л. 349).

Таковы новые дополнительные сведения, уточняющие представление о том, как царская цензура глушала «горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест» Толстого против «государства и полицейско-казенной церкви».⁶

Я. ЛУРЬЕ

А. М. РЕМИЗОВ И ДРЕВНЕРУССКИЙ «СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ»

В творчестве А. М. Ремизова (1877—1957) мотивы древнерусской литературы занимали особое, весьма важное место.

Мастер сказа, близкий по своей повествовательной манере к Н. С. Лескову, А. М. Ремизов был одной из значительных фигур русской литературы перед революцией. В 1921 году он эмигрировал, и жизнь его в эмиграции оказалась невыносимо тяжелой. «С 1921 г. в России, на моей родине, и с 1931 г. на чужбине, в Европе, по-русски не издают моих книг...» — писал он в последние годы жизни.¹ В 1943 году в голодном, оккупированном немцами Париже умерла жена Ремизова; писатель, всегда страдавший из-за своих «подстриженных», полуслепых глаз, постепенно совсем лишился зрения. Среди эмиграции он был одинок; политический ссылочный до революции, он был в глазах наиболее реакционных эмигрантов «советской сквальчию».² Последние книги А. М. Ремизова были опубликованы им с огромным трудом — чистоально малым тиражом. Напечатание его книг было, в сущности, актом благотворительности со стороны издателей. «Я не „самоокупаем“», — горько шутил Ремизов.³

Большинство книг, изданных Ремизовым в 50-х годах, было посвящено сюжетам древнерусской литературы. Для него это никак не было случайной литературной работой — напротив, он видел в ней важнейший труд своей жизни, как бы ее завершение. Постоянно интересовавшийся языком древней Руси, писавший многие свои рукописи скорописью XVII века, А. М. Ремизов еще в 1926 году создал своеобразную переработку «Жития проповедника Аввакума».⁴ В 1950—1957 годах он обратился к другим древнерусским памятникам (оригинальным и переводным). «В этих книгах, — писал Ремизов, — самое мое задушевное, из них мне открылась моя судьба. Эти книги для меня огнедышащие, они сожгли мою душу!»⁵ Первой среди этих «огнедышащих» книг была «Повесть о двух зверях. Ихнелат», написанная на материале «любимой книги Московской Руси» о Стефаните и Ихнилате (А. М. Ремизов писал «Ихнелат»).⁶

Басенный цикл «Стефанит и Ихнилат», проникший на Русь из Византии (через южнославянское посредство), — одно из популярнейших произведений мировой литературы средневековья. В своем первоначальном индийском варианте (известном по санскритской «Панчатантре») цикл этот состоит из пяти книг, в которых мудрец-брахман по просьбе царя рассказывает ему притчи-басни о «разумном поведении». В первой из этих книг обрамляющим повествованием служит история

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 20.

² Алексей Ремизов. Мышкина дудочка. Изд. «Оппешник», Париж, 1953, стр. 167.

³ Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов. Париж, [1959], стр. 90.

⁴ Там же, стр. 30.

⁵ Житие проповедника Аввакума им самим написанное. 1620—1682. Свод трех редакций, 1672—1673, сделанный А. Ремизовым. Paris, 1926.

⁶ Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов, стр. 64.

⁷ Алексей Ремизов. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Изд. «Оппешник», Париж, 1950, стр. 59 (в дальнейшем все ссылки на эту книгу — в тексте). Книги А. М. Ремизова 50-х годов, представляющие большую библиографическую редкость, были присланы им в подарок В. И. Малышеву, который передал их в библиотеку Пушкинского дома.

двух шакалов, один из которых поссорил царя-льва с его другом-быком. В арабском переводе к рассказу о коварстве шакала был прибавлен еще рассказ о суде над ним, и самий цикл по именам двух шакалов стал называться «Калила и Димна» (хотя в остальных главах, кроме двух первых, о них уже ничего не говорится). От арабской «Калилы и Димны» пошел и греко-славянский «Степанит и Ихнилат» (так были переведены в Византии имена двух шакалов), и западные версии «Наставления человеческой жизни», основанные на латинском переводе.

А. М. Ремизов знал арабскую «Калилу и Димну» (вероятно, по переводу И. Ю. Крачковского). Из нее он заимствовал пролог к повести — «Травка-бессмертник» (о том, как в Индии была найдена эта книга).⁷ Но в основном его «Повесть о двух зверях» опирается на русского «Степанита и Ихнилата» в редакции XVII века.⁸ При этом, однако, писателя заинтересовал только стержневой рассказ цикла — о судьбе Ихнилата и Степанита; все последующие части оригинала в книге не использованы; опущены и многочисленные басни, которые рассказывали друг другу герои цикла.⁹ Главные герои «Повести о двух зверях» — вероломный Ихнелат и его друг Степанит. Они — не шакалы; уже в славянской версии цикла, как заметил писатель, Степанит и Ихнелат стали просто «зверями», представителями некой неопределенной «звериной породы, в Бестиариях не упоминаемой» (стр. 13).¹⁰ Для Ремизова они скорее люди в мире зверей, мудрецы, неимущие интеллигенты, забытые при обезьяньем дворе царя-льва. «Делать они ничего не умели, они собирают мысли и складывают слова, и жизни их была „лотерейная“ или просто сказать, были они нищие: Степанит и Ихнелат» (стр. 13).

«Сказочное никогда не связано с местом и временем — я беру место и время, что мне ближе по моему чувству: Париж, война, алерт (тревога). События шестого века, а у меня двадцатого...» — говорил Ремизов о своей повести.¹¹ Был охваченный войной и оккупацией Парижа все время вторгается в книгу о зверях. Рев Быка, напугавшего Льва (в начале повести), превращается в «подхлестывающий вой сирены», а прекращение рева — в отбой: «Улицы, пользующиеся раздумьем Быка, снова ожили. Движение восстановлено. Грузно пыхтят автобусы, мышью шныряют такси и наперевес стрекоча, подскакивают мотоциклеты...» (стр. 25). Появлялись в повести и чисто автобиографические черты. Во время беседы Степанита с Ихнелатом гаснет электричество, потом вновь зажигается. «А вот и электричество!.. — восклицает Степанит. — Что значит свет для моих глаз!» (стр. 18). Прекращение электрического света, надвигающаяся слепота — постоянные темы в записях Ремизова.¹² «Наше почетное место у дверей царя, это не в очереди за молоком. Всякий день мы получаем от него бесплатный обед», — успокаивает Степанит недовольного Ихнелата (стр. 15). Это — воспоминание об «образцовых» трехстепенных очередях за молоком, устроенных монахинями-благотворительницами, и о бесплатных обедах, которые Ремизов ценой бесконечных унижений добывал для себя и для большой жены.¹³

Из двух героев повести А. М. Ремизову, конечно, был особенно близок стоик Степанит, все понимающий, но ничего не требующий от жизни. Не только боль-

⁷ К арабской «Калиле и Димне» (Калила и Димна. Перевод с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. Под редакцией И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е, М., 1957, стр. 109) восходит, по-видимому, упоминание в «Повести о двух зверях» о госпоже птиц — орлице Анке (стр. 47).

⁸ Так, слова повара об Ихнелате — «пронырливые глаза его щурятся от солнечного света» (стр. 53) — восходят к русскому тексту XVII века, изданному Ф. Булгаковым (Степанит и Ихнелат. ПДП, XVI. СПб., 1877, стр. 47); в южнославянском и более древнем русском тексте, изданном А. Викторовым (Степанит и Ихнелат. ПДП, LXIV и LXXVIII. М., 1881, стр. 39), их нет.

⁹ В сборнике сказок о хитром зайце, изданном А. М. Ремизовым за 30 лет до «Повести о двух зверях» (А. Ремизов. Е. Тибетский сказ. Изд. «Русское творчество», Берлин, 1922, стр. 32—33), встречается мотив, сходный с одной из вставных басен «Степанита и Ихнелата»: здесь заяц также обманывает своего преследователя (в «Степаните и Ихнилате» — льва, у Ремизова — волка, обезьяну, ворону и лисицу), показав ему его и свое собственное отражение в колодце и побудив прыгнуть туда за этими мнимыми двойниками. Однако мы не можем утверждать, что Ремизов и в сказках о зайце использовал «Степанита и Ихнелата», так как этот мотив знаком ряду сказаний Восточной Азии.

¹⁰ А. М. Ремизов считал, что уже в греческой версии Степанит и Ихнелат перестали называться шакалами (стр. 60). Это неверно — неопределенные «звери» появились только в славянском переводе.

¹¹ Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов, стр. 113.

¹² См.: Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов, стр. 23, 217; А. Ремизов. В розовом блеске. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952, стр. 318.

¹³ См.: А. Ремизов. В розовом блеске, стр. 321. «Бесплатному супу» посвящен рассказ «Повар» (Алексей Ремизов. Мышикина дудочка, стр. 123—128).

ные глаза Стефанита связывают его с автором. «Красочные серебряные конструкции», сущеные змеи, щучьи кости, кротиные лапы, украшающие «скважину» Стефанита (стр. 29), — это, конечно, цветные конструкции в «кукушкиной» комнате самого Ремизова.¹⁴ Более сложным было отношение автора к Ихнелату, устроившему возвышение и гибель Быка. Конечно, Ихнелат — «подлец», но когда в заключительной главе он появляется закованный в наручники — «американскую игрушку с автоматическим замком» (стр. 48), когда его осуждают на «красную смерть» — виселицу, он вызывает сострадание читателя. «Я всегда был цепной. Да и как иначе: человек среди зверей», — объясняет Ихнелат посетившему его в тюрьме Стефаниту (стр. 52). «Я и Стефанит, я и Ихнелат — человек», — писал Ремизов.¹⁵ Недаром в конце повести Ихнелат разделяет судьбу самого писателя. «Смотри, он ослеп!» — восклицает пифик (обезьяна), расковывающий Ихнелата перед казнью (стр. 56).

Как же относились эти характеристики героев к их образам в средневековой повести? Не были ли они внесены писателем XX века? Не противоречили ли они «прямолинейному дидактизму», который обычно считается неприменимым свойством древнерусской литературы?

Обращаясь к древнерусскому материалу, А. М. Ремизов вовсе не рассматривал его как внешнюю оболочку, своего рода маскарад для современных аллюзий. Его неизменно интересовала подлинная древняя Русь. «Что занимало русского человека? Какие назову его любимые книги, любимое чтение?» — этот вопрос Ремизовставил перед собой как раз в то время, когда писал «Повесть о двух зверях». «Назову, что знаю и что вызвало во мне отклик, отозвалось в моем сердце как пережитое мною, когда я писал».¹⁶ Смелое внесение современных реалий нисколько не помешало тому, что передача подлинника в ремизовской «Повести о двух зверях» оказалась очень точной. Ремизов перевел древний текст на живой язык, как бы «промыл» оригинал (как промывают старинную икону), но не исказил существа. Весь сюжет повести о двух зверях — подлинный. Все хитрые аргументы Ихнелата в его беседах со Стефанитом и на суде взяты из оригинала. «Мудрец, пользуясь истиной, создает вымысел... — говорит Ихнелат у Ремизова. — Или как ловкий журналист проводит свою мысль в газетной болтовне» (стр. 17). Это точный перевод на современный язык древнего текста: «Мудрый бо муж и разумный может истину приложити и лжу составити, яко ж изрядный писецъ презнаменает истину, влагает беседы некыя приличны времени».¹⁷ Такими же подлинными оказываются и многие другие «современные» реплики повести. Ремизов ощущил и передал главное в «Стефаните и Ихнилате»: сложность характеристики героев. Ихнилат и в древнерусском тексте интриган, но вместе с тем мудрец, и Лев со своими присными не способен уличить его на суде. Стефанит и Ихнилат и в оригинале вечно спорят между собой и все же привязаны друг к другу; во время свидания в темнице Ихнилат высказывает Стефаниту опасение, «да не за ради дружбу и любовь, яже имехом, ят будеши и ты»¹⁸ (у Ремизова: «Меня очень беспокоит, я уверен, тебя зацарапают...» — стр. 51). И в древнем тексте Стефанит, вернувшись с этого свидания, кончает самоубийством, а Ихнилат, узнав о гибели друга, «горько ж плакав». В повести XV века осуждение Ихнилата оказывается даже еще более несправедливым, чем в «Повести о двух зверях»: у Ремизова Ихнелат оказывается осужденным вследствие показаний его соседа по камере («помилованного смертника» с русской фамилией Меркулов), подслушавшего последний разговор Стефанита с Ихнелатом; в древней повести этого не было, Лев просто приказывал убить Ихнилата под давлением своей матери.

Ремизов не изучал специально историю древнерусского «Стефанита и Ихнилата» — тем более интересно отметить, как много он «отгадал». Даже сократив доступный ему текст, сохранив из него только рассказ о двух зверях, Ремизов, сам того не зная, следовал примеру одного из книжников XV века — составителя Троицкого списка (ГБЛ, Троицк. собр., № 765), в котором повесть тоже кончается казнью Ихнилата. Древнерусские писатели и читатели также ощущали самодовлеющее значение и сюжетный интерес рассказа о проделках и гибели хитрого зверя.

К древнерусской литературе А. М. Ремизов обращался через головы многочисленных исследователей и истолкователей древней Руси в XIX—XX веках. Его интересовали не те эпические произведения, которые были обычно в центре внимания этих истолкователей. «...Не думаю, чтобы в кругу Пушкина знали о Ихнелате, да и в Летописи русской культуры XIX века (Н. Барсуков. Жизнь и труды

¹⁴ См.: Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов, стр. 12, 32, 33.

¹⁵ Там же, стр. 113.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Стефанит и Ихнилат. ПДП LXVI и LXXVIII, стр. 9.

¹⁸ Там же, стр. 38.

¹⁹ Этот мотив взят, очевидно, Ремизовым из арабской «Калпы и Димны» (стр. 141—142).

Погодина) среди археологии и любителей древней письменности о Ихнелате не упоминается», — писал Ремизов в послесловии к «Повести о двух зверях» (стр. 60).

Вплоть до нашего времени «Стефанит и Ихнилат» остается одним из наименее известных произведений древнерусской письменности — произведение это воспринимается прежде всего как собрание басен; его «рамочный сюжет» почти не привлекает внимания. Любопытно, что и Ремизов узнал об этом памятнике не из научной литературы, а из устного рассказа своего товарища — ссыльного революционера: «...вспоминая свое детство в старообрядческой семье и апокрифы, книги первого чтения, он вдруг, точно глотнув прохладящего пару, с каким-то особенным чувством рассказал мне повесть о двух зверях» (стр. 60).

Стремясь найти в древнерусской литературе то, что вызывало в нем отклик и «отзывалось в сердце», А. М. Ремизов обращался не к «высокой» назидательно-проповеднической литературе (хотя он и ценил Епифания Премудрого), а именно к сюжетной прозе, к тому, что мы можем назвать древнерусской беллетристикой. Наряду со «Стефанитом и Ихнилатом» он пересказал и «древнерусский роман» о Савве Грудыне, повесть о Петре и Февронии, популярные рыцарские романы XVII века о Бове королевиче, о Мелюзине и о Брунцвике.²⁰ Отказавшись от традиционной стилизации, писатель обнаружил в книжности средневековой Руси черты, понятные и близкие современному читателю. В этом особое значение «древнерусских» повестей своеобразнейшего писателя XX века Алексея Ремизова.

В. ПРОСКУРИН

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТВОРЧЕСТВА И ЛИЧНОСТИ

Ф. Д. КРЮКОВА¹

1

Был в России такой писатель — Федор Дмитриевич Крюков. Он родился в 1870 и умер в 1920 году. Нынешний читатель его совсем не знает. Не пользовался он широкой известностью и при жизни. Но читатель-современник знал его. Один из таких читателей, недавно умерший известный наш публицист, критик и литературовед Д. И. Заславский, делясь воспоминаниями о Крюкове, писал автору этих строк (в 1964 году): «Так как я был постоянным читателем „Русского богатства“, то, конечно, читал постоянно Крюкова. Осталось у меня о нем общее впечатление как об одном из самых ярких беллетристов „Русского богатства“. Я думаю, что он был до Шолохова самым ярким бытописателем казачества... Писал он талантливо, и я всегда дочитывал его произведения до конца».

Другой современник и читатель Крюкова — К. И. Чуковский, в свое время общавшийся с В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненским, сообщает (также в письме ко мне): «И Н. Ф. Анненский и Владимир Галактионович очень ценили Крюкова и радовались каждой его рукописи. Крюкова они выделяли из всех прочих сотрудников: когда планировали будущие книжки журнала («Русское богатство», — В. П.), говорили особым уважительным голосом: будет Крюков».

Крюков много лет прожил в «России», как выражались раньше у нас, на Дону, т.е. за пределами своей родины — Области войска донского. Он учился в Петербургском историко-филологическом институте, потом был учителем гимназии в Орле, преподавал в реальном училище в Нижнем Новгороде, затем опять жил в Петербурге — короткое время как депутат 1-й Государственной думы, а дальше — как библиотекарь Горного института и, наконец, как профессиональный писатель и журналист, один из редакторов «Русского богатства».

Впечатления и наблюдения этой «российской» жизни послужили материалом для многих его рассказов и очерков и притом таких, которые можно отнести к его лучшим вещам («Новые дни», «Неопалимая купина», «Сеть мирская», «Без огня»),

²⁰ Алексей Ремизов. 1) Бесноватые: Савва Грудын и Соломония. Изд. «Оплешник», Париж, 1951; 2) Мелюзина и Брунцвик. Изд. «Оплешник», Париж, 1952; 3) Круг счаствия. Легенды о царе Соломоне. Изд. «Оплешник», Париж, 1957; 4) Тристан и Исольда. Бова королевич. Изд. «Оплешник», Париж, 1957. Книга о Петре и Февронии была закончена А. Ремизовым (Наталья Кодрянская и Алексей Ремизов, стр. 237), но нам неизвестно, была ли она опубликована.

¹ Статья В. М. Проскурина «К характеристике творчества и личности Ф. Д. Крюкова» была представлена в редакцию в январе 1966 года.